

**Кирилл
КАЗАНЦЕВ**

СУПЕР КОП

Предатель рядом

Суперкоп

Кирилл Казанцев
Предатель рядом

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Предатель рядом / К. Казанцев — «Эксмо», 2013 — (Суперкоп)

Лейтенанту Управления собственной безопасности ГУВД Екатеринбурга Антону Копаеву сообщили страшную новость: был убит его лучший друг Игорь – таможенник, сотрудник отдела по борьбе с особо опасными видами контрабанды. Труп Игоря обнаружили в его собственной квартире, и то обстоятельство, что убийцы не взяли ничего ценного, навело полицейских на мысль о заказном характере преступления. Полковник Быков подозревает, что в деле замешаны высокие чины, обличить которых будет непросто. Он поручает расследование преступления Антону Копаеву, понимая, что его подчиненный сделает все возможное для разоблачения убийц своего лучшего друга...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кирилл Казанцев

Предатель рядом

Пролог

Ночью с машины Антона сняли колеса. Месяц назад его «Жигули» девятой модели разули аналогичным способом на том же самом месте – на крошечной стоянке перед домом.

– Антон! – прокричал сосед, высываясь из форточки. – Заканчивай ерундой заниматься! Она так не поедет. Нужно колеса поставить. А ты где ночью был? С девками гулял, что ли?

Антон секунду смотрел на нижнюю часть своей машины, и его возглас «черт...» совпал с хлопком закрываемой соседом форточки. Перламутровая «девятка» покоилась на пьедестале из кирпичей, выложенных чьей-то торопливой рукой. Четырех новеньких колес с «крутыми» дисками и покрышками «Гисловед» как не бывало.

Сейчас он снова смотрел на кирпичи и думал о том, как мотивировать опоздание на встречу с полковником Быковым. Глупо как. Раскручивать клубки сложнейших схем преступности внутри системы и попадать на колеса... Но разве он виновен в том, что его на самом деле не было дома? Всю ночь он работал, но не менеджером в строительной компании, о чем знают соседи, а искал информацию на майора вневедомственной охраны Галеева. Но все равно обидно. Значит, кто-то следил. Видел, как Антон вечером оставил машину и ушел со двора, не заходя в подъезд. И когда стало ясно, что не вернется, бригада «съемщиков» скрутила колеса.

Когда работал опером в уголовном розыске и жил в своей квартире, поджигали во время его отсутствия дерматины на двери и выбивали на кухне стекло. Если бы это были друзья отчима, с которым он познакомился в пятнадцатилетнем возрасте, то в окно влетел бы не кирпич, а «Ф-1» или бутылка из-под шампанского с «коктейлем Молотова». Эти отморозки, имеется в виду сослуживцы и партнеры отчима, не станут тратить время на кражи колес и разбивание окон. Они обычно сразу разбивают головы. Чужие, разумеется. На мелкие пакости способна была другая категория подонков – номенклатура Антона Копаева, лейтенанта полиции – воры и грабители. Весь материальный ущерб от этих пакостей можно было смело отнести на счет мести друзей тех, кто имел неосторожность воровать и грабить на территории райотдела, закрепленной за оперуполномоченным уголовного розыска Копаевым.

Но прошло несколько лет, и теперь Антон уже не оперуполномоченный уголовного розыска, а старший оперуполномоченный Управления собственной безопасности ГУВД. И никто из бывших коллег не знает об этом переходе на другую должность. Полковник Быков уволил Антона из «уголовки» тихо и незаметно, заручившись согласием Антона. И ввел в штат своих сотрудников. И теперь на погоне добавилась звездочка, и вот уже более двух лет минуло, как работы стало больше, чем когда он ловил «домушников» и «щипачей».

Поначалу Антон никак не мог поверить, что преступников среди сотрудников правоохранительных органов не меньше, чем вора на улице. Он поражался масштабам содеянного и глубине предательства делу, которому люди в погонах присягали служить честно и отчаянно.

Антон с досадой плюнул под левое переднее... под левую переднюю кладку кирпичей и бросил на капот кожаную папку.

– Иди, иди! – услышал он за спиной. – Я присмотрю. Только вот что, Антон, мне через пару часов на работу нужно. Так что смотри сам...

Копаев развернулся. Лица соседа не было видно из-за почерневшей от пыли и старости полиэтиленовой сетки от комаров. Сквозь эту сетку пробилась струя сигаретного дыма, и он снова услышал:

– Заявил в отдел, а? Может, найдут еще. Колеса-то хорошие были? Как в прошлый раз?

– Нет, – вздохнул Антон. – Это были колеса со служебной машины. На время взял, пока та в ремонте... Колеса дерьмовые, а шуму будет как из-за золотых.

– Ну, ладно, давай, беги. Я посторожу. Только до десяти часов.

– Договорились, – усмехнулся Антон, взял папку и зашагал в сторону остановки.

Пройдя несколько шагов, он остановился, резко повернулся и запоздало крикнул:

– Спасибо, Серега!

Но тот уже закрыл форточку и его не слышал.

Антон шел и думал, что служба в УСБ ГУВД отнимает у человека все-таки больше, чем дает. Разумеется, понимание, что ты служишь большому делу и охраняешь закон, – вещь великая. Но тут же к этому добавляется необходимость всегда уходить от вопросов и умение давать расплывчатые ответы. Даже не по необходимости, а уже чаще по привычке. Или вот врать этому хорошему соседу Сергею. Ведь когда ты говоришь, что работаешь в строительной компании, а на самом деле в полиции, ничего плохого в этом, конечно, нет. Но перестаешь быть открытым.

Антон работал «на выгоне». Так называют оперативников, которые никогда не заходят в здание ГУВД и работают под прикрытием. Под них специально создаются несуществующие компании с печатями и бланками, создаются юридические адреса этих коммерческих компаний, и некоторые люди даже знают об этих компаниях как о надежных и давно существующих на рынке. Это стоит больших, очень больших денег. И поэтому право работать «на выгоне» предоставляется только тем, кто не способен совершить ошибку и загубить дело, ради которого государственная казна выделяет немалые средства.

Никто из тех, кто работал в УСБ, до сих пор не видел Антона в лицо. А если и видел, то не догадывался, что этот высокий русоволосый парень – его коллега. В отделе кадров ГУВД дело Копеева не имело фото и личных данных, только свидетельства о награждениях и ссылки на засекреченные документы, хранящиеся в секретной части ГУВД. Но и там не было фото Копеева, и никто не мог отождествить его с двадцативосьмилетним парнем, живущим в скромной однокомнатной квартире типовой девятиэтажки и числящимся менеджером по продажам в строительной компании «Екатеринбургстрой».

Глава 1

До пятнадцати лет Антон рос счастливым человеком. Его отец умер, когда ему едва исполнилось три года, поэтому чувство горя от потери близкого человека в его памяти не всплывало. Отца он не помнил и не мог оценить присутствие мужского начала в семье. Антон довольствовался тем, что имел. Его мать, очень красивая и гордая женщина, тянула хозяйство, состоящее из сына и двухкомнатной квартиры, в одиночестве. Зарплаты учителя французского языка и небольших приработков в качестве репетитора хоть и хватало на жизнь, но не могло удовлетворить требования времени. Свои первые джинсы Антон надел именно в тот день, когда появился отчим. За год до смерти матери...

Мать убили на улице, и если была какая-то причина стать сотрудником милиции, то была она единственной. Антон окончил школу милиции, стал опером и нашел убийцу родного человека. Но это будет потом... А тогда, после гибели матери, его отправили в детский дом. Потому что несовершеннолетним детям, как известно, без опеки жить не разрешается... Но был в его жизни еще и отчим. Правда, после смерти матери он утратил желание общаться с пасынком. И даже отказался от участия в его жизни, дав согласие на помещение Антона в детский дом. Слава богу, усыновить еще не успел...

А тогда, еще при жизни мамы, отчим изумлял Антона. Через неделю после знакомства матери с Николаем Владиславовичем на кровати парня оказались вещи, об обладании которыми он мог только мечтать: настоящие, фирменные, привезенные из Германии спортивный костюм и кроссовки «Адидас», куртка из плащовки с эмблемой хоккейного клуба «Детройт Рэд Уингз», майки, от лейблов на которых рябило в глазах и делало всю картину нереальной. Из скромно одетого мальчика он превратился в дорогостоящего, обеспеченного мажора.

Антон не верил, что все это происходит именно с ним. В доме появились дорогие продукты, аппаратура, а вскоре вся семья переехала в трехэтажный коттедж под охраной восьми здоровенных детин. Во дворе был бассейн, под домом – гараж, в котором стояли «Мерседес», «Крайслер» и микроавтобус. Мать преобразилась до неузнаваемости. Антон уже не видел ее стареньких костюмов и дешевой косметики учительки французского. Отчим покупал и покупал для нее баснословно дорогие вещи, приставил личного визажиста, причем делал он это такими ускоренными темпами, словно стыдился ее прежнего вида. Антон не успевал следить за переменами в своей жизни и по малолетству считал, что пришла золотая пора, о которой часто говорила мама: «Наступит день, Антошка, когда ты почувствуешь себя счастливым, и все у нас будет хорошо...» Но он думал, что уже счастлив, раз жива мать и в доме есть все необходимое. И теперь он, словно во сне, пытался привыкнуть к переменам. Пытался привыкнуть быстро, поспевая за действиями отчима. Раньше жизнь Антона тянулась как пленка на магнитофоне – размеренно и медленно. Теперь же казалось, что появившийся в ее жизни мужчина нажал кнопку ускоренной перемотки. В доме стали появляться обеспеченные люди – знакомые отчима и партнеры по работе – и с чувством плохо скрытой брезгливости бросать косые взгляды на мальчишку и его мать. Эти двое словно мешали нормальному течению жизни, словно были из другого, чуждого им мира. Иногда эти деловые и дружеские встречи затягивались до утра и сопровождались питьем дорогостоящих напитков и карточными играми. На кону стояли суммы, от которых Антона корбило. К отчиму он обращаться боялся, мать же отделялась односложными фразами, говорила, что Николай Владиславович является директором завода буровой техники. Что такое отцовская любовь, Антон узнать так и не успел. Первым чувством, которое он испытал к новому человеку, стала ненависть.

Николай Владиславович ударил по лицу мать уже через месяц совместной жизни. Простить такое пятнадцатилетний пацан не мог никому и ни при каких обстоятельствах. Его кулак врезался в подбородок отчима уже через секунду после случившегося. Мальчишка стоял

напротив стокилограммового мужика как ошестинившийся волчонок и ждал расправы. Однако отчим, который даже не пошатнулся после удара, пошевелил нижней челюстью, словно вправляя кости на место, и спокойно проговорил:

– Молодец, пацан. Далеко пойдешь. Если не остановят. А ты, дорогая, прости, больше не повторится. Похоже, и мне привычки менять надо.

В последующем подобное действительно не повторилось, но изменить отношение Антона к отчиму это уже не могло. Напротив, мальчишка все стал делать вопреки желаниям Николая Владиславовича. Отчим хотел отправить пасынка на лето в Германию, «посмотреть мир», а тот все три месяца проработал на заводе токарем. На заработанные деньги купил себе одежду по средствам, а все подаренные «прикиды» сложил в сумку и оставил в кабинете Николая Владиславовича. Тот смирился, но сумку перенес в комнату Антона: «У меня места там нет...» Потом последовало предложение «отмазаться» от армии: «Меня уважаемые люди в городе не поймут, если мой сын будет служить...», однако до службы было еще далеко, но этот разговор лишь отдалил отчима с пасынком.

А потом убили мать...

Поначалу Николай Владиславович отказался жить с волчонком, и Антон попал в детский дом. А бывший отчим, радуясь, видимо, тому, что не успел оформить документы на усыновление, пропал из виду. По окончании милицейского вуза Антон пошел в кадры Управления внутренних дел и написал заявление с просьбой принять на работу в уголовный розыск. Его вело только одно чувство – найти того, кто сделал его сиротой. Найти и воздать по заслугам. Тогда Антон еще не видел различия между сыском и правосудием... И только когда возмездие было свершено, но не его руками – Антон узнал о смерти человека, повинного в гибели его матери, из сводки, – он задумался над тем, кем стал бы, совершив убийство сам.

Наверное, именно эта минута раздумья и дала ему возможность принять приглашение полковника Быкова войти в штат Управления собственной безопасности ГУВД. Откуда было знать ему, неопытному оперу, что за его судьбой, еще когда сидел он за учебной скамьей в школе милиции, давно следил выдавший виды полковник милиции...

Теперь милиция стала полицией, но ничего в жизни Антона не изменилось. Вот уже несколько лет он занимался тем, что выводил на чистую воду предателей в погонах.

Но за месяц до того, как Копаев вошел в штат УСБ, состоялась та памятная встреча с не случившимся отчимом. Прознав, что бывший пасынок служит в уголовном розыске, Николай Владиславович почувствовал необходимость встретиться с человеком, с которым жил когда-то в одном доме. И Антон, усмехнувшись, согласился на встречу. Его разбирало любопытство. Он никак не мог понять, как человек, вызывавший в нем самые недобрые чувства, сможет объяснить причину своего исчезновения.

А Николай Владиславович и не думал ничего объяснять. Находясь в подогретом состоянии после визита очередных «деловых», он попытался прочитать Антону лекцию о бессмертии душ тех, с кем он общается. Они-де умны и осторожны, а потому, мол, неприкасаемы.

– Вот взять, к примеру, президента Клуба профессионального бокса города Арцеулова Эдуарда Владимировича. Кристальной чистоты человек. Все свои миллионы заработал благодаря уму и хватке. Что под него копать, если копать нечего?

– Накопать можно и под столб, – с усмешкой возразил Антон, у которого не было никакого желания общаться с отчимом, тем более полупьяным. – А уж под любого вашего друга...

– А чем тебе мои друзья не нравятся? – побагровел Николай Владиславович. – Я живу, как хочу, а ты – как можешь. Как тебе позволяют жить такие, как я и Арцеулов! За все заплачено, парень! Вашу ментовку, как и тебя, можно купить точно так же, как два кило огурцов. Все дело в звании, то есть – в сумме!

Антон пожевал губами, а отчим продолжал:

– Это вы только по «ящику» чисты и неподкупны! А вот вас как копни – все дерьмо наружу лезет! Праведники...

– Как вы говорите? Арцеулов? – Антон встал со стула.

– Да, запомни эту фамилию! На наших фамилиях жизнь города и таких, как ты, трепещет. Если его ваши начальники смогут в черных делах уличить – забирай мою «девятку»! Позавчера купил для охраны, хрен с ним – забирай!!! – Пьяный отчим по-барски махнул рукой.

– Подожди. Не торопись... – Копаев прищурил глаза. – Без штанов останешься, авторитетный ты мой...

Николай Владиславович остался со штанами и всем остальным, но без «девятки». Его деловой друг, один из столпов города Арцеулов ровно через неделю был задержан сотрудниками РУБОП, а впоследствии арестован. Прокуратурой города ему было предъявлено обвинение по нескольким статьям Уголовного кодекса, в том числе за несколько эпизодов вымогательства, похищение человека и хранение оружия. Поводом для того послужила конкретная, говоря языком сыщиков УР – «в цвет», информация от одного лейтенанта-опера из районного отдела внутренних дел.

– Далеко пойдешь... – заметил, как и много лет назад, Николай Владиславович. – Если не остановят.

Его подозрительный взгляд, казалось, насквозь буравил Антона, когда он передавал ему ключи от машины.

– Может, еще на что поспорим? – ядовито улыбаясь, поинтересовался Копаев.

Впрочем, как машина ему досталась, так он ею и пользовался. За два месяца ее уже дважды оставляли встречать рассвет без колес, и однажды даже пришлось вызывать эвакуатор, когда «девятка» ни с того ни с сего вдруг заглохла и остановилась на середине моста.

И именно благодаря ей сейчас старший опер Управления собственной безопасности ГУВД Екатеринбурга Копаев торопился на встречу с полковником Быковым, прекрасно осознавая при этом тот факт, что при таком опоздании плюс-минус десять минут уже ничего не решают. Он все равно опоздал...

Вынув из кармана мобильник, он сообщил о проблеме Быкову. От машины отказался.

– Заскочу в наш райотдел, информация по Галееву ведет к операм по линии тяжких. Попробую прокачать своих бывших на пустом месте.

– Антон, потом сразу по адресу. Сразу. Понял?

– Конечно.

Глава 2

Антон зашел в дежурную часть, когда утомленный за истекшие сутки оперативный дежурный Стеблов допивал свой утренний кефир. Все в отделе знали, что Стеблова время от времени мучает язва, запущенная за годы работы в должности участкового. Майора Стеблова, которому до пенсии оставался год с небольшим, перевели начальником дежурной смены. Работа в «дежурке» от этого только выиграла. Она стала в дни его дежурств отличаться большей продуктивностью. Стеблов на территории райотдела знал если не каждого, то почти каждого жителя, прямо или косвенно связанного с криминалом. Каждый четвертый-пятый выезд дежурной опергруппы обычно был по ложному вызову. И время, необходимое для работы, уходило на бестолковые перемещения в «уазике» в места, где не найдешь ни потерпевших, ни подозреваемых, ни состава преступления, ни его события. Теперь же в дежурства Стеблова выезды в «никуда» сократились до минимума. Майор лично отвечал на звонки.

– Дежурная часть. Майор Стеблов. Кто звонит?.. Степанищев?.. И чего тебе, родной? Жена пропала? Опять пропала? А ты у соседа был? У какого?.. На твоей улице живет, в двенадцатом доме! Вот сходи узнай, а потом названивай! Я что, твоих прибайбасов не знаю, что ли? Сам ему рожу набить не можешь и идти боишься, так опять решил ментов на помощь позвать?! И потом изумляться с наглой рожей, мол, как это вы так быстро смогли ее найти? Слушай, Степанищев, разводишься ты с ней. У нее мать в Березовке живет, вот пусть туда и мотает. Квартира-то твоя, насколько я знаю... Вот так... И не звони больше, а то приду и задницу надеру за заведомо ложный донос.

Антон подождал, пока Стеблов проглотит свой кефир, и, прикуривая сигарету, как бы между прочим поинтересовался:

– Начальник грозен нынче?

– Начальник ныне отпускает всем грехи.

– Что так? – удивился Копаев так, будто услышал новость о присоединении Китая к России.

– У старого внук родился. – Стеблов облизал седые усы. – А ты чего опять пешком?

– С карбюратором что-то...

– Опять колеса сняли? – тихо спросил Стеблов, пряча стакан в тумбочку.

Копаев повертел головой, убеждаясь, что их не слышат.

– А ты откуда знаешь, черт старый?!

– Я все знаю, – веско заметил дежурный. – Только никому ничего не говорю.

– И не говори! – Копаев был зол на вездесущность Стеблова. – Может, еще знаешь, кто именно снял?

– А то...

– Ну и кто? – Антон склонился над майорскими погонами.

– Не маленький, сам найдешь.

От такой наглости Копаев чуть не задохнулся. Ему даже не пришло в голову возмутиться тем, что Стеблов поступает не по-товарищески. Антон возмутился по другому поводу.

– Это ты... Это ты что, дед, делаешь? Преступников прикрываешь?

– А ты заявление писал?

– Ты спятил! Я что, на отдел «темняк» лоховской вешать буду?

– Тогда надо просто прийти к старику Стеблову, налить стакан кефиру и попросить помочь. Если в своих штанах ничего найти не можешь, как ты там в своей строительной компании дома продаешь? А деду Стеблову в управлении премию жмут!

Дежурный посмотрел на остолбеневшего от таких его речей Копалева и закончил:

– Прикрой глаза-то, лопнут. Завтра перепроверю информацию и скажу. Иди, Антоха, не до тебя. Час назад «мокруху» в квартире заявили. Кого-то из нуворишей завалили. Пуля во лбу, пуля в затылке, на полу «ТТ», на шее золотая цепь с руку толщиной, на столике борсетка с баксами. Отгадай, что произошло в квартире?

– Заказуха.

– Иди домой, сегодня все в мыле, еще начальник увидит, что ты явился. Болтаешься без дела...

«Болтаешься без дела, – подумал Антон и усмехнулся. – Знал бы ты, дед, сколько у меня дел, и все – особо важные»...

Поняв, что от Стеблова большего не добиться, Копаяев поднялся по ступеням и вышел в коридор, ведущий к приемной начальника РОВД подполковника Стрельникова. Именно там ежедневно проводились утренние совещания. Сегодняшнее утро, понятно, исключением не было. Едва Копаяев шагнул в приемную, секретарь Машенька Белова понимающе подмигнула ему и приложила палец к губам. Если бы она знала, как права была...

Антон не интересовало убийство. Ему требовалось проверить информацию по майору Галееву, состоявшему, как считал Копаяев, в организованной преступной группировке вместе с одним из оперов по линии «тяжких» его бывшего райотдела. Так, во всяком случае, он доложил полковнику Быкову, давшему Антону задание.

«Видимо, Быков догадывался, что Галеев связан с операми моего бывшего райотдела, – думал Антон. – Иначе он мог поручить дело любому другому в УСБ. Но поручил мне, надеясь, что я сам выйду на след и общаться в коридорах райотдела мне будет легче, чем другим».

В коридоре было слышно, как грохочет на селекторном совещании голос начальника отдела Стрельникова. Очевидно, главное уже сказано, так как про убийство не прозвучало ни слова. Разговор шел о серии квартирных краж, буквально обрушившихся на район. Под удар Стрельникова попали представители всех служб без исключения. Опера – за отсутствие нюха и информации, следователи – за формализм допросов, участковые – за отсутствие контроля за поднадзорным элементом. Поскольку претензии начальника носили общий характер и в подобных смертных грехах сотрудники обвиняются чуть ли не ежедневно, Копаяев понял, что этот разнос – не смертельный. Все как всегда, все как обычно. Одним словом – нормальная рабочая обстановка. Беспокоило другое. Все без исключения ежеминутно поглядывали на Антона, стоящего в коридоре у стены и вяло жующего жвачку. И их взгляды не предвещали ничего хорошего. В том смысле, что никто не выражал готовности поболтать с ним.

Вскоре, однако, выяснилось, что оперов увозят на совещание в ГУВД, а следователи уезжают на учебу в школу милиции. Остаются только как раз опера линии «тяжких», но они снялись с места, погрузились в машину и уехали, даже не кивнув старому знакомому.

«Черт, угораздило же кому-то застрелить конкурента именно в этот день!» – выругался Копаяев и отправился на встречу с Быковым.

Квартира находилась в центре города. Чтобы получше спрятать вещь, нужно, как известно, положить ее на самое видное место. По этому принципу конспиративные квартиры в ГУВД и подбирались. Неприметная девятиэтажка за площадью, тихий двор, но стоит обойти дом, как тут же окажешься в стремительном потоке торопящихся граждан. Идеальное место для интимных встреч.

Антон наугад взял один из стоящих в большой комнате стульев и сел. Быков повертел в руках очки, надел, снова снял и положил на столешницу. Копаяев, по себе зная, как трудно начинать неприятные разговоры, а в том, что разговор неприятный, он уже не сомневался, хранил молчание, стараясь выдерживать паузу столько, сколько это нужно начальнику. Наконец полковник, снова водрузив на нос очки, придвинул к себе ежедневник и раскрыл его одним

движением на нужной странице, словно переломил. Скосив взгляд в сторону ежедневника, Антон пробежал глазами по бисеру букв.

– Вот что, Копаев...

Начальник опять снял очки и, пользуясь ими как лупой, стал читать им же написанное. Опять возникла пауза, и на этот раз продлевать ее было глупо, так как обращение уже состоялось.

– Я слушаю вас, Алексей Алексеевич.

Быков закончил расшифровку собственного манускрипта и оттолкнул блокнот в сторону.

– Дело Галеева оставишь. Я передам его с твоими наработками кому-нибудь другому.

– Что так? Там осталось-то немного.

– Это ты так считаешь. Но не в этом дело. Ты займешься кое-чем другим.

Антон послушно кивнул и откинулся на стуле. Раз надо, значит, займется.

– Игорь Карлович Эберс – тебе говорит что-нибудь это имя?

– Говорит, – спокойно ответил Копаев.

С Игорем Эберсом они учились в одной группе в школе милиции. После выпуска их пути разошлись, хотя оба работали в одном ведомстве. Антон в ГУВД числился опером райотдела, а Игорь – в отделе кадров. Потом у Эберса служба не сложилась, он написал заявление и ушел в Оперативную региональную таможню. Тогда это было модно, поскольку таможня была единственным местом, куда уходили бывшие милиционеры с несложившейся карьерой. А Копаев ушел из уголовного розыска в УСБ, и это не было модно ни раньше, ни теперь. Правда, для Эберса этот переход был тайной. Он считал, что Копаев просто уволился из органов и устроился зарабатывать «на стройку». Но пути разошлись только в этом. Они продолжали жить в одном городе, ходить на матчи чемпионата России по футболу, не забывая прихватить на трибуну по паре «Жигулевского». К сегодняшнему дню Копаев был старшим опером УСБ ГУВД, а Эберс – заместителем начальника отдела по борьбе с особо опасными видами контрабанды.

– Мы оба за наш «Спартак» болеем, – добавил Антон.

– Болели, – Быков стал пальцами разминать переносицу, словно всю ночь не снимал очки.

– Не понял, Алексей Алексеевич.

– Сегодня ночью Эберс был убит двумя выстрелами из пистолета в собственной квартире.

Все признаки заказного убийства налицо.

Копаев почувствовал, как зазвенело в ушах, и он уже не слышал собственного голоса.

– Мы же с ним только позавчера на стадионе были...

Теперь Антону стало ясно, про какое убийство говорил ему Стеблов. Но почему на него, Копаева, так смотрели сослуживцы?.. В отделе никто не знал о дружбе оперов из разных ведомств. Такие отношения не поощряются руководством. Высосать информацию – ради бога, а дружить ради дружбы – не нужно. Из самого бы чего не высосали... Или все-таки знали?

– Ты слышишь меня, Копаев?

– Что?

– Я тебя спросил: что тебя с ним может связывать?

– Кажется, вы знаете и без моего ответа. Мы вместе учились, дружим до сих пор. Дружили... Мы друзья.

– Ты раньше не говорил, что у тебя друзья в таможне есть.

– Я много чего не говорю. И почему я должен афишировать неслужебные отношения?

Быков вздохнул:

– Ты прав. Но на столе в его квартире лежала твоя визитная карточка. Теперь она в уголовном деле, и в связи с убийством сотрудника таможни моего сотрудника начнут таскать по прокуратурам и задавать албанские вопросы. Теперь понятно, почему я интересуюсь?

– Все понятно. Кроме одного. Откуда у него золотая цепь и три тысячи долларов?

– Я про это тебе ничего не говорил...

– Стеблов сказал. Дежурный в моем бывшем отделе.

– Понятно, – усмехнулся начальник. – А у Эберса могли быть такие деньги, Антон?

– Думаю, нет, – сразу ответил Копаев. – Он, конечно, бережлив и расчетлив, как всякий немец, но его бережливость и расчет строятся исключительно на сумме зарплаты. В любом случае долларов у него я не видел. И чего не видел точно – это золотой цепи. Если верить Стеблову, так это строгий ошейник какой-то, а не цепь!

– Да уж, – согласился Быков. – Видел я это, с позволения сказать, украшение. Эксперт сказал, что если цепь золотая, то ее запросто можно поменять на новую «шестерку».

– А между тем Игорь полтора года копил деньги на дубленку... – задумчиво выдавил из себя Копаев. И вдруг встрепенулся: – Алексей Алексеевич, вы – видели?.. А где вы видели это украшение?

Быков устало облокотился на стол.

– Антон, Игорь Эберс работал в таможене, а его дядя... Он заместитель начальника Таможенного комитета.

– Вот как? – удивился Копаев. – Игорь никогда об этом ничего не говорил.

– А зачем? Никто не знает об их родстве. Люди, бывает, многое не говорят. Зачем им афишировать неслужебные отношения?

Антон через силу улыбнулся.

– Я тебя вот зачем попросил приехать, Копаев... – Очки начальника снова заняли положенное место на носу. – Я понимаю, что Эберс был твоим товарищем, но... Займись этим делом без чувств. Помимо того что начальник таможи был дядей Эберса, он еще и мой хороший друг. Своих толковых сыскарей у него нет, поэтому он и обратился ко мне за помощью. Ты понял?

– А смысл, Алексей Алексеевич? Дело уже в следственном комитете, прокуратура контролирует.

– В том-то и дело, что дело в следственном комитете...

– Это как-то связано с коррупцией в таможене или даже в нашем ведомстве?

– Вот и разберешься. Я согласовал участие в деле с начальником. Таможня напрямую работает с полицией, а люди умеют договариваться друг с другом. Не всегда это ведет к хорошему.

Быков никогда ничего не предполагал вслух просто так. Копаев это знал.

– Только помни, что очень скоро могут начать обрабатывать твои же коллеги из УСБ таможи и ГУВД. Ты меня хорошо понял? – И Быков внимательно посмотрел Антону в глаза. – Не надо светиться. Ты кто?

– Менеджер в строительной компании «Екатеринбургстрой».

– Вот именно.

– Я все понял.

– Если бы я сомневался в этом, я бы тебе это не поручил.

– Я понял. Можете быть спокойны.

– Надеюсь, тебе не нужно объяснять, что тебя сейчас могут начать «водить»? Не лезь в эту хату, Антон. Поверь старому волку... Обещаешь?

Неопределенно помотав головой, Копаев привстал со стула.

– Вот и ладно, – согласился полковник, суетливо выдвигая ящики стола. – Давай, иди работай. Куда я ежедневник засунул?..

Улыбаясь одними губами, Антон вышел из квартиры. Быков любил конкретику, и если бы он хотел сейчас заставить Копалева что-то сделать, то не удовлетворился бы непонятными орбитальными движениями головы подчиненного.

«Хитрит старик, – думал Антон, доставая ключи от своего кабинета в офисе и стоя прямо перед дверью. – Сам себя успокоить хочет».

Уже открывая дверь, услышал за спиной треск колокольчика на двери. Обернулся.

– Господин Копаев, минуту времени не уделите?

Обернувшись, Антон увидел перед собой эффектную брюнетку, сверстницу. По профессионально наложенному макияжу и стилю в одежде он без труда определил уровень женщины как «XXL». Дело не в размере, а в их с Эберсом привычке еще со школы милиции определять по этой размерной шкале статус слабого пола. «L» – это «М» после смытого макияжа. «М» – совершенно бесперспективная в плане дальнейшего общения в силу своей пугающей наружности. «X» – это 90–60–90 со среднестатистическим лицом и таким же уровнем мышления. «XL» – уровнем выше, но с сохранением указанных пропорций. «XXL» – не существует.

Дама, знающая фамилию менеджера по продажам квартир, относилась именно к последней категории.

– Могу и больше, если по делу, – обронил Копаев, пропуская в свой кабинет брюнетку. – А если вы пришли по поводу рекламаций относительно квартиры шестнадцать, то прошу меня извинить. Этим занимаются менеджеры по устранению недостатков.

Он знал, что нет никакой квартиры номер шестнадцать. И знал, что нет никакой стройки. В этот офис редко заходили люди, и только потому, что ошибались дверью в соседствующий обувной салон. Значит, посетительница явилась не случайно, и уж конечно не из-за квартиры.

– Я думаю, что по делу, – словно прося прощения за проступок, почти прошептала женщина.

– Присаживайтесь, – вздохнул Копаев.

Гостя своим появлением оттягивала звонок Стеблову и в экспертно-криминалистический отдел, где у Антона был приятель. Если Стеблов мог выскользнуть из сети вопросов, а проще говоря – послать подальше, то результаты экспертизы с улицы Энтузиастов, где жил Игорь Эберс, будут у него быстрее, чем у следователя. С начальником ЭКО выпита на трибунах «Спартак» бочка пива. И если быть до конца откровенным, то выпита специально. Разыскное искусство, как и всякое другое, требует жертв и порой самоотречения.

– Слушаю вас, – терпеливо выдохнул Антон, руки которого так и тянулись к телефону.

Женщина не спеша, чем вызвала хорошо скрытое раздражение Антона, достала из сумочки из змеиной кожи длинную, не известную оперу сигарету и прикурила от узкой золотистой зажигалки. В ответ Антон вынул из кармана помятую пистолетной кобурой пачку «Честерфилда».

– Знаете, девушка, именно сегодня я очень занят. Курение в компании красивой женщины мне, безусловно, льстит...

– Я просто не знаю, с чего начать, – перебила Антона женщина.

– Начинайте всегда с самого начала и постепенно переходите к сути.

Незнакомка секунду подумала, после чего решительно вынула из кармана служебное удостоверение и положила его перед Антоном.

«Государственный таможенный комитет», – прочитал Копаев.

«Началось...»

Он давно уже знал, что случайностей не бывает. Случайным было только убийство Ли Харви Освальдом Джона Кеннеди, когда первый, стреляя с крыши по голубям, промахнулся и попал во второго. Убийство Эберса и появление в его кабинете незнакомки из таможни, которая знает опера по имени, не стечение обстоятельств. Вряд ли педант Эберс рассказывал своим коллегам о знакомстве с бывшим сыщиком из уголовки, а ныне с безликим менеджером. Так поступают только пустышки, а не опер. Он мог это сболтнуть только там, где мужчины перестают окружать себя тайной. В постели.

– Игорь говорил вам, что вы – «XXL»? – просто спросил Антон.

От изумления женщина вдохнула дым и забыла его выдохнуть. Одним вопросом сидящий перед ней молодой человек разрушил непреодолимую, как казалось ей, стену ненужных

объяснений. Несмотря на потрясение, гостя из таможни быстро пришла в себя и справилась с дымом.

– Он был прав, – глядя на Копая, произнесла она.

– В чем?

– В том, что вы шахматист, выигрывающий у гроссмейстеров, но не знающий правильного названия фигур.

– Даже не знаю, как воспринимать эти слова, – поморщился Копая. – Как комплимент или как насмешку?

– Вы даже не раскрыли мое удостоверение. Меня зовут Амалия. Будем знакомы.

– Как «Золушку», что ли? – поинтересовался Антон. – Надеюсь, без грима вы не так выглядите, как та Амалия?

Женщина улыбнулась одними глазами.

– И во втором Игорь тоже был прав. Под маской циника вы скрываете глаза романтика.

– Только не нужно говорить, что он сказал так дословно, – заволновался Копая. – Игорь Эберс выражался по-иному.

– Вот именно – выражался...

* * *

Амалия Березина работала в одном отделе с Эберсом. По стечению обстоятельств оба сначала были в отделе кадров, только она – в таможне аэропорта, а он – в региональной, и совершенно не знали друг друга... После штатных перестановок они попали вместе в региональную таможню и в один отдел – по борьбе с особо опасными видами контрабанды. Когда Игорь Эберс был назначен на должность заместителя начальника отдела, Амалия хотела сначала перевестись в другую таможню, чтобы не быть обузой для Эберса в качестве подчиненной, но он настоял, чтобы она осталась. И она так и сделала. А что касается «чтобы не быть обузой»... То, что Амалию Березину и Игоря Эберса влекла друг к другу непреодолимая сила, именуемая любовью, являлось секретом только, пожалуй, для Копая.

Он сидел напротив девушки, подперев кулаком подбородок, и не верил ни единому ее слову. Не потому, что подозревал ее в чем-то, а просто не мог поверить, что немец Эберс, для которого идеал женщины сжимался в триединое понятие «кухен-киндер-кирхен», мог полюбить кого-то в ночном клубе.

– Вы поймите правильно, Антон, ночной клуб – это не то, о чем вы подумали, – стала объяснять Амалия. – Просто мы сняли на вечер заведение, чтобы отпраздновать День таможенника. Это было полгода назад. Там мы и познакомились...

Антон почувствовал, что будет лучше, если разговор продолжится в более непринужденной обстановке, и предложил женщине встретиться через два часа на Центральной площади у входа в Дом журналиста.

– Знаете, где это?

Она знала. В кафе этого здания она с Эберсом пила кофе...

– И вот что, Амалия... – произнес Антон, глядя, как она взялась за ручку двери. – Не «светитесь». «Проверьтесь» пару раз, пока будете ехать к кафе.

Это была не та женщина, которая могла не понять, что такое «светиться» и «проверяться», поэтому Антон вел себя так, как должен себя вести мужик-опер по отношению к оперу-женщине.

– Хорошо, – просто и тихо ответила она.

Копая хотел сказать ей что-нибудь резкое, чтобы подавить в ней чувство упадничества, настроить на дальнейший разговор у Дома журналиста... и столкнулся взглядом с ее огромными красивыми глазами, полными слез. Он вдруг вспомнил заразительный смех Эберса,

серый, всегда веселый, с хитринкой взгляд, его поразительную любовь к жизни и осекся. Он только сейчас понял, что потерял друга, замену которому найти будет невозможно. Эберса больше нет. И никогда не будет. Он сейчас в морге, на ледяном кафеле. Последнее, что Копеев слышал от него, – это «созвонимся, старик!». Последнее, что он видел, – улыбку серых глаз и ежик коротко стриженных светлых волос.

Антону стало так невыносимо плохо, словно закончилось действие анальгетика и стал близок болевой шок. Ему хотелось утешить девушку, но он лишь шевелил губами, как немой, и бессмысленными глазами смотрел на стекающие по ее щекам слезы...

Он был не в силах ей что-то сказать, а она была не в силах выйти из его кабинета. Копеев только сейчас понял, что Эберса нет. Еще пять минут назад... Как же он не мог... понять этого раньше?.. И следующая его мысль была: «А не «повела» ли меня эта девочка, работающая, быть может, в УСБ таможни? Действительно ли Эберс рассказывал ей обо мне, своем друге, или она на ходу лепит историю?»

После недолгих раздумий он заверил себя: «Посмотрим».

Глава 3

Несмотря на постигшую ее беду, Амалия оказалась на удивление упрямой и активной женщиной. Подозрения Копаяева усилились, когда она предложила в помощь приятеля Эберса по работе в таможне Андрея Суровцева. Но вскоре он понял, что если бывшие коллеги или служба безопасности таможни собрались его «отрабатывать», то это уже явный перебор. Подводить к одному фигуранту двоих сотрудников никто не станет.

– Зачем мне Суровцев? – спросил Антон. – Я не вполне понимаю, зачем с тобой связался. И вообще, почему ты решила, что я займусь чем-то, хоть отдаленно напоминающим расследование? Кто я? Менеджер, конторская крыса.

– Ушам своим не верю, – ответила Амалия. – Игорь рассказывал мне о тебе совсем другое.

– Игорь рассказывал... – повторил с усмешкой Антон, сам же подумал, что человек из таможни, имеющий свободный вход в организацию, может оказаться весьма полезен. – Кем он работает в таможне, Суровцев этот?

– Он старший опер в отделе по борьбе с особо опасными видами контрабанды.

– Ну хорошо. Давай посмотрим на этого опера.

– Я ему только что звонила, – обрадовалась Амалия. – Кажется, у него есть какая-то информация.

Улучив момент, Копаяев доложил Быкову по телефону о проделанной работе. Подполковник был не против, чтобы подключился еще один сотрудник таможни. «В конце концов, – думал Быков, – Антон опытный опер и раскрыть себя не позволит».

Суровцевым оказался невысокого роста коренастый парень лет двадцати восьми, сероглазый и серьезный. При первом знакомстве руку пожимал Антону осторожно, водя глазами по лицу Копаяева. Понемногу разговорившись, они оказались в парке. Временами Антон бросал взгляды по сторонам, пытаясь понять, не является ли эта встреча предметом чьего-то обсуждения. Однако ничего подозрительного не замечал.

– Аля сказала, у тебя есть какая-то информация.

– Да. Я попросил своих людей порасспрашивать в округе, не видел ли кто что-то подозрительное у дома Игоря в ночь его убийства. И один из них сказал, что в ту ночь всю коптил притон неподалеку от дома Эберса. Я сверился с адресом, это в двух шагах от дома Игоря. Не исключено, что торчки что-то видели или слышали.

Улица, на которой стоял дом Игоря Эберса, – это территория райотдела, где когда-то работал Антон. И едва только с уст нового знакомого сорвалась фраза о том, что «коптил притон», Копаяев понял, о чем идет речь. Точнее – о ком. В доме номер восемь проживал некто Постников по кличке Незнайка. И действительно, он жил в двух шагах от Эберса, и последний не интересовался Незнайкой только потому, что его интересовала контрабанда наркотиков, а не их употребление.

– Ты знаешь что-нибудь об этом адресе?

– Первый раз слышу, – уверенно произнес Копаяев.

– Но если верить Эберсу, ты работал именно на этой территории?

– Наркоманами я не занимался. Да и появиться притон мог уже после моего увольнения. Впрочем, я своих порасспрашиваю. И это хорошая мысль, Андрей. Прихвати Амалию и потусуйте пока пару часов где-нибудь. Я как закончу, сразу позвоню.

– Мы поедем с тобой, – заявила Аля.

– Я не собираюсь тащить в райотдел толпу! Итак, через два часа.

Отделавшись от помощников, Копаяев тут же сел в машину и вскоре исчез за поворотом.

– Сумасшедший, – произнесла Амалия.

– Нормальный парень, – заметил Суровцев. Антон ему понравился.

Как известно, в квартиру наркомана можно пройти двумя способами. Первый – постучать условным знаком. Он меняется с такой же периодичностью, с какой меняются пароли в ГУВД, то есть ежедневно. Условного знака на сегодня, как и на вчерашний и все остальные дни, Антон, естественно, не знал, поэтому избрал второй способ.

Отойдя к стене напротив двери, он оттолкнулся от бетона спиной и изо всех сил врезал ногой в район замка. Дверь резко... нет, не отворилась. Она отлетела в сторону, едва не прибив насмерть Михаила Гуцалова, наркомана со стажем, который в данный момент изучал в дверной глазок причину возникновения шорохов на площадке.

Стараясь не вдыхать едкий запах ангидрида, насквозь пропитавшего всю квартиру, Копаев прохромал внутрь и склонился над так и не получившим никакой зрительной информации Гуцаловым.

– Не больно?

Миша, у которого дури в голове было предостаточно и без ломового удара дверью, задал самый глупый вопрос, который когда-либо задавал в своей жизни:

– Ты кто?

– Клайд без Бони. Кто еще в квартире?

Гуцалов смотрел на бывшего опера ГУВД, но никак не мог признать в его лице человека, который уже однажды отправлял его на скамью подсудимых за кражу. По тому, как блаженно закатились его глаза и стукнул о пол затылок, Антон понял, что у парня пошел «приход». Спрашивать его сейчас о чем-то было равносильно битью лбом о подножие Александрийского столпа с целью сбить оттуда ангела.

Уловив краем уха стоны, доносящиеся из соседней комнаты, Антон остановился у закрытой двери и прислушался. Это были не крики о помощи. Одновременно кричали мужчина и женщина. Голос мужчины, это Копаев понял сразу, принадлежал инвалиду по армии Постникову по кличке Незнайка. Он ее получил за умение на все вопросы сотрудников правоохранительных органов отвечать «не знаю». Но в основном Ромой Постниковым занимались опера из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, поэтому его заветное «честное слово, не знаю» имело ничтожное значение. Тем по барабану, знает он чего или нет. Если есть доза в хате или на кармане, знания не имеют никакого значения. Рома, как и Гуцалов, «сходил» дважды.

А вот голос женщины...

Что-то не мог Копаев припомнить среди знакомых этих двоих дегенератов никого, у кого бы был такой звонкий голос. Женщина так может кричать только в двух случаях: когда отбивается от бешеной собаки или когда занимается сексом с таким мучачо, как Незнайка.

Пройдя в комнату с «макаровым» наперевес, Антон увидел худое, исколотое замысловатыми татуировками тело Незнайки, которое взматалось над полными телесами какой-то особи. Помня, что в старину во время нереста даже в церквях в колокола не били, Копаев зашел на кухню, сел на стул и закурил последнюю сигарету...

Баталия в комнате продолжалась вот уже сорок минут. Столько же времени в передней «висел» Гуцалов.

Антон включил чайник и разыскал в шкафу среди закопченной, пахнувшей уксусом посуды чистую кружку. Сполоснув ее под краном, вновь уселся. Торопиться ему некуда, а информация, которая ему сейчас нужна как воздух, находится где-то здесь, в квартире. Либо у Гуцалова, либо у Постникова. Без нее Антон из этого вертепа не уйдет. Поскольку убийство Эберса случилось недалеко от этой клоаки, глупо даже предполагать, что ни Гуцалов, ни Постников ничего об этом не знают.

В тот момент, когда он допивал вторую кружку чая, в комнате слышались душераздирающие вопли Незнайки и особи, возвещающие о том, что всему в этом мире есть начало и всему есть конец...

Подняв со стола «макарова», Антон втиснул его в кобуру и направился в комнату. Зрелище не для слабонервных. Два стайера на финише.

От резкого шлепка по голой заднице мухобойкой не ожидавший ничего подобного Рома-инвалид обернулся и дико закричал. Ничего не понимающая особь стала поднимать валяющееся, как солдатская скатка, одеяло.

– Как жисть босяцкая? – это был вопрос к Незнайке.

Постников продышался и честно ответил:

– Только кончил, тебя, Копаев, увидел... Это самая страшная картина, которую можно увидеть! Вроде с Файкой был, а вот нате, ты...

– Ты, Незнайка, – Антон уселся в ободранное кресло, – когда-нибудь доколешься. Тут к тебе в самом деле кто-нибудь сзади пристроится.

– Не пристроится, – уверенно пообещал Постников. – Я в колонии не чертом был, ты знаешь.

– Слышь, Ром, это что за фраер здесь появился? – Это были последние слова особи, которую Копаев выпихнул за выбитую дверь в чем мать родила. Мешает, а времени на объяснения у Антона нет.

– А вот теперь поговорим, инвалид.

– Ничего не знаю, командир, – стандартно отмазался, как ему показалось, Незнайка.

– А я тебя еще ни о чем и не спрашивал. Надевай портки и майку, а то мне на твои наколки смотреть больно. Ну, что это за анахронизм, Рома?.. «Легавым – хер, ворам – свободу»? Скрой эти портачки маечкой, пока я не обиделся. Какой ты, к ляду, вор? Ты – заподлянец-неудачник, постоянный клиент службы участковых уполномоченных.

Рома с угрюмым лицом натянул трусы с изображением сотенных купюр, с которых почему-то улыбался Вашингтон, и сел на диван. Предстоящий разговор в данной ситуации явно не входил в его планы. Он изображал на своем лице непонимание, однако, внимательно следя за его бегавшим взглядом, Антон догадывался, что тема этого разговора для него ясна. Он лихорадочно готовит себе алиби. Но Копаев уже давно не тот желторотый опер, которого может убедить в чем-то такой змей, как Постников. Когда у тебя за плечами восемь лет оперативной работы, ты безошибочно выбираешь манеру разговора, исходя из особенностей фигуранта, лимита времени и своего настроения. Список вопросов, ориентированный на возможные ответы Постникова, у Антона был готов уже на десять ходов вперед.

– Итак, Незнайка, предлагаю два варианта разговора. Вариант первый. Ты повторяешь свою дебильную фразу «я ничего не знаю», после чего мы едем в отдел. Там, по моей просьбе, естественно, участковый составляет на тебя административный протокол по поводу твоего нахождения в общественном месте в нетрезвом виде, после чего я везу тебя в районный суд, где тебя, мелкого хулигана, осудят суток на десять-пятнадцать. Разговор продолжится уже в камере. Без Файки.

– Гражданин Копаев!.. – возмутился Рома. – А это, простите-с, беспредел. Я же дома нахожусь! Какое такое общественное место?!

– А я тебя сейчас на улицу выволоку. В трусах. Чтобы наверняка. Мне тебя что, закрыть не за что, что ли?!

Копаев блефовал, не опасаясь разоблачения. Откуда наркоману Постникову знать, что он уже несколько лет не работает в райотделе?

Рома раскопал в пепельнице, которая стояла на стуле, окаменевший окурок «Примы», раскурил его и уже спокойно спросил:

– Второй вариант?

Другое дело...

– Рома, – Антон подался из кресла вперед, – ты меня очень обяжешь перед собой, если направишь на путь истинный. Сегодня утром недалеко от твоего дома мужика нашли. Он не дышал, и было такое впечатление, словно ему из пистолета сначала один раз в лоб выстрелили, а потом зачем-то еще один раз – в затылок. Ты не знаешь, зачем?

Рома выпучил глаза.

– Какого мужика?..

Завтра его зацепят, и Рома расколется, что его об Эберсе спрашивал он, Копаев.

– Не готов к ответу.

– А почему я должен быть готов?!

– Потому что убили его в то время, когда вы тут меха своим «баянам» рвали. Не сердись, Незнайка!

– Да я богом тебе клянусь, что ничего не знаю!

Это было похоже на правду.

– Незнайка, а кто из вас на улицу вываливался в первом часу ночи? Вас бабка Макарычиха из окна видела.

Снова блеф. И снова безопасный. Бабка Макарычиха сидит у окна круглые сутки, у нее хроническая бессонница. Благодаря этому заболеванию Копаеву еще во времена работы опером повезло раскрыть несколько шапочных грабежей в первую же зиму службы.

– А ты Мишку спроси! – Он ткнул пальцем в том направлении, где за стеной отдыхал в неудобной позе Гуцалов. – Он на улицу выходил!

– А еще кто?

– Во! – Незнайка поднял вверх палец и глаза его просияли. – Вспомнил! Перец!

– Кто такой? Почему не знаю!

– А он недавно откинулся.

– Оп-почки – мусора... – услышал Антон за спиной шепот пораженного ужасом человека. Это очухался Гуцалов. Разговаривать сейчас с ним равносильно самоунижению.

– Где Перец живет?

– А где он только не живет... – Встретив взгляд Копаева, Незнайка переменял тон. – Ну, вообще – в восьмой квартире пятнадцатого дома.

– А-а, – протянул Антон. – На улице Филатова, что ли?

– Да ну ты что, командир! На Фасадной!

– Точно. Значит, так, отцы родные, – деловито заметил Копаев, вставая. – Завтра в десять ноль-ноль оба – ко мне в кабинет. Отметитесь и продемонстрируете трезвый вид. Постников – старший, отвечаешь за прибытие. Не появись – вспомним первый вариант разговора. Понял, старший?

– Понял, – сообщил присмиривший Постников.

И снова блеф. Во-первых, не придут, во-вторых, если придут, их встретят и покрутят пальцем у виска. Копаев не работает в райотделе уже бог весть сколько лет. Перешагнув через лежащего на полу с закрытыми глазами – спрятался – Гуцалова, Копаев вышел из квартиры.

Черта с два они придут. Случая не было, чтобы пришли.

Глава 4

Дом пятнадцатый был обыкновенной пятиэтажкой, выстроенной во времена посева кукурузы квадратно-гнездовым способом. Сахар из тростника тогда считался лучше свекольного, а импрессионисты считались «пидорасами». Все изменилось с того времени – мнения и ценности. К сегодняшним дням лучшим считается тот сахар, который сухой, кукурузу ест только скот, а «Квадрат» Малевича недавно оценили в двадцать пять миллионов долларов. Не изменилось лишь желание воровать, насиловать, грабить и убивать. То есть присваивать себе постоянно меняющиеся ценности. Когда строили этот дом, то вряд ли предполагали, что через сорок лет только в одном из его подъездов будет жить наркоман.

В квартире восемь Антон обнаружил не то, что искал. По площади всей трехкомнатной квартиры валялись люди, чей разум в данный момент находился очень далеко не только от дома по улице Фасадной, но и от Солнечной системы. Дверь была открыта, поэтому Антон, прижимая к бедрам руки, вошел в нее без труда. В кухне, на насквозь пропитанном мочой матрасе, лежали двое – он и она. Полуоткрытые, или – полужакрытые, глаза, открытые рты, разбросанные в стороны конечности. Наркотический приход застиг их буквально за несколько минут до появления Копаева. Рядом с телами – а это определение лучше всего подходило к данному моменту – лежал распущенный резиновый жгут и символ процветающего СПИДа – единственный, на двоих, шприц с остатками крови.

– Черт, сколько ж вам годин-то? – вырвалось из Антона, и он шагнул дальше...

Картины в комнатах мало отличались от увиденного в кухне. Несколько матрасов, вялые, словно безжизненные, тела, шприцы и едкий запах ангидрида. Самый настоящий наркотический притон, предоставленный сам себе по случаю бездействия доблестного отдела по борьбе с наркобизнесом.

Восемь человек. Судя по внешнему виду которых Антон мог смело предположить, что увиденное – не что иное, как незаконченная вечеринка, начавшаяся вчера по поводу освобождения одного из лучших людей этого общества. Отмечалось событие героиним. Ни намек на хотя бы одну рюмку или бутылку. Впрочем, бутылка была, но только глупец мог предположить, что там находилось спиртное. Там был уксус. Один из ингредиентов приготовления зелья, что покрепче зеленого змия.

Не хватало только отчаяться. С момента расставания с Амалией и опером прошло полтора часа. Лицо, которое могло что-то видеть или слышать, объявлено. Но его здесь нет и, судя по всему, его появление произойдет не скоро. Чувствуя, что теряет время, а вместе с ним и терпение, Копаев взял одного из наркоманов, того, что проявлял наиболее активные признаки жизни – громко сопел и клевал носом, за руку и потащил к балкону.

Им обоим сделалось чуть лучше, когда они оказались на свежем воздухе. Антон размахнулся и дал отроку мощного леща. Тому это не понравилось. Он скорчил кислую гримасу, как будто увидел на экране телевизора непристойный кадр, и снова «повис».

Тогда Антон стал яростно тереть лицо наркомана. Это как если бы нормальному человеку предложили применить в туалете лист наждачной бумаги десятого номера. Уже через несколько мгновений лицо парня, зависшего между небом и землей, стало свекольного цвета. Первые произносимые им буквы Копаев воспринял с таким же восторгом, с каким доктор Борменталь воспринял вопли Шарикова.

– Ну-ка, малахольный, на меня посмотри!.. – прохрипел от возбуждения Копаев. – Глаза раскрой! Видишь меня?!

– Типа, вижу...

– Типа, видит он. Ботва отмороженная... Сколько пальцев?

– Типа, несколько... – сказал наркоман, вглядываясь в торчащий, как пень посреди поляны, большой палец Копеева.

– Поколение дегенератов. Где Перец? Быстро отвечай! Где Перец?

Ответ поступил не от реанимированного, как ожидалось, а, вопреки ожиданиям, сзади. От этого гнусавого фальцета Копееву едва не сделалось дурно.

– Ну, братва... Че так кричим? Мусора свалятся, че будем делать?

Ошеломленный Антон оставил в покое непокорного краснолицего и обернулся. Прямо над ним, в проеме балконной двери, стоял еще один мастер перемещений с закрытыми глазами. Свитер-толстовка с изображением исландского оленя, мятые слаксы и один когда-то белый, а сейчас разноцветный от грязи носок – одеяние, достойное человека, вторые сутки не выходящего из комы.

– Тише, тише... – настоятельно повторил он. – Не создавайте панику... Менты не дремлют...

– Господи... – засиял Антон. – Он говорит! Он анализирует...

Окончательно оставив в покое опять провалившегося в забытие наркомана лежащего, он схватил в охапку наркомана стоящего и с ним в руках, как со свернутым ковром, вошел в комнату. Усадив тело на хромоу, отполированный сотнями наркоманских задниц табурет, он прислонил его спиной к стене и повторил вопрос, на котором остановился при разговоре с первым.

– Перец... Перец... Это центровой пацан... Гады, менты посадили.

– А потом отпустили, – напомнил Копеев. – Он пришел сюда, а потом опять исчез. Куда он исчез?

– Не, не отпустили... – Глаза говорившего так и не открывались. Перед Антоном сейчас был шаман ханты, обкумаренный трубкой в шалаше вождя манси. – Его заковали навечно...

Антон не выдержал и шлепнул торчка по затылку. Тот, как тряпичный, мгновенно слетел с табурета и шлепнулся на пол. Не ударился, как это случается с нормальными людьми, а именно – шлепнулся. Из его носа вылетела сопля и, просвистев по воздуху, ушла куда-то на балкон.

Копеева уже давно мучили позывы рвоты, а увиденное последним оказалось выше всех ожиданий. Пошарив повлажневшей рукой в кармане, он извлек непочатую упаковку «Дирола», зубами сорвал обертку и высыпал в рот половину содержимого.

– Короче... олень северный... я тебя спрашиваю в последний раз. Где Перец? Если не ответишь, я вызываю наркологов, и остаток недели ты проведешь в жутчайшем депресняке и ломке. А тебе будут колоть глюкозу, глюкозу, глюкозу, глюкозу, глюкозу...

– Хватает, братан... Остановись, че ты гонишь... Меня сейчас вырвет...

– Глюкозу, урод, и ничего, кроме глюкозы. Где Перец?

– Перец по делам поехал... Дела...

– Кто такой Перец? Где находятся их дела?

Кажется, наркоман стал понемногу приходить в себя.

– Ты не опером ли с райотдела будешь?

– Нет, – честно ответил Антон.

– Поклянись...

– Гадом буду.

– А стегаешь, как мусор. Больно и без следов...

– Тебе просто повезло. Так кто такой Перец и что за дела?

– Перец на Выставочной теперь живет, в пятом доме. Они туда и поехали. – Парень пришел в себя и стал водить по Антону мягким, как метелка для пыли, взглядом.

– Героин, что ли?

– Не, там с качками какие-то дела...

– С какими качками? – Копаяев перестал жевать.

– Не знаю. Ширнуться хочешь?

– Не сейчас. – Антон посмотрел на часы.

Время шло, а новостей никаких. Так недолго и поверить, что свидетеля Перца убрали. Нужно было найти говорящего человека, а пока Антону попадались лишь безвольные, измученные инъекциями тела. А время шло, и с каждой убежавшей секундой убегала надежда на то, что положение вещей в этом мире еще можно исправить.

Оставив собеседника на полу, Антон еще раз прошел по квартире. В награду получал отборный мат, приглашение лечь рядом, а один из очнувшихся даже попросил поддержать на его плече кусок резинового атлетического бинта. Вся группа на мгновение приходила в себя, а потом снова проваливалась в забытие.

В зале один из предметов настолько приковал к себе внимание Копаяева, что он даже отрывался от поисков, выпрямлялся и несколько раз снова и снова бросал взгляд в угол комнаты, где предмет и располагался. Когда Антон смотрел на него, он успокаивался и снова приступал к поиску, но едва взгляд Копаяева отрывался от объекта, в его душе вновь была сумятица. Он никак не мог понять, в чем несоответствие увиденного с масштабами и временем происходящих событий.

«Елка как елка, – думал он, – что в этом необычного?»

Апогеем полного отстоя человеческого сознания стала лесная красавица – когда-то зеленая, пушистая и нарядная, а теперь сохранившая лишь последний из признаков. Елка стояла на какой-то совершенно дикой приладе, играющей роль крестовины. Автором этого приспособления для равновесия ели был наверняка кто-то из тех, кто сейчас валялся на полу, как позабытый при переезде мишка. На дереве висели, покрытые пылью, десяток игрушек и три чохлые мишуры, напоминающие безвольные струи перепившего Санта-Клауса. Елка как елка, только очень желтая и почти вся осыпавшаяся. Под крестовиной лежал огромный кусок ваты, ставший местом паломничества всех присутствующих: около сотни маленьких ватных тампониц, отщипнутые от куска под елью и пропитанные кровью, были разбросаны по всей площади квартиры.

«Вот что меня беспокоит, – догадался наконец Антон. – Новогодняя елка, стоящая в квартире в июне месяце. Как же это страшно – наркотики...»

Весь осмотр, вследствие отсутствия какой бы то ни было мебели, занял не более пяти минут. Задерживаться здесь дольше не было смысла. Копаяев прошел в коридор, распахнул входную дверь и нос к носу столкнулся с тремя молодыми людьми, чей взгляд мало отличался от тех, что находились в квартире. Зато все трое могли самостоятельно ходить и говорить.

– Заходите, заходите, – пригласил всех троих Антон и уступил им место в дверном проеме. – Хозяева поехали за «весом». Если я их не найду, то скоро они, наверное, будут. Полистайте журналы, выпейте кофе...

С чувством подозрения они прошли в глубину притона. Дождавшись этого, Антон, уже спускаясь по лестнице, вынул из кармана телефон.

– Стеблов? Это опять Копаяев. Слушай, мне тут один знакомый позвонил, сказал, что на Фасадной живет. В пятнадцатом доме, в восьмой квартире, наркоманов с порошком – целая рота. Предполагает, что и оружие есть. Ты бы послал туда нарядец какой, а? А то позвонит мужик в областную управу, нажалуется за бездействие...

«Выставочная, значит, – подумал он, направляясь к машине. – Качки. Зал атлетический, стало быть. Не думаю, что на Выставочной два атлетических зала».

Стремительно входя в повороты, Антон бормотал: «Думай как Эберс. Представь картинку, раскрась ее, вдохни жизнь. Вспомни, чему учил Быков...».

Он опаздывал на встречу с Алей и Суровцевым на четверть часа...

Глава 5

Эберс. За четыре дня до описываемых событий

Интересное кино получается. Вот это да! Едва мне в руки попадает агентурное сообщение, шеф ни с того ни с сего собирается в отпуск. Что-то ранее я не замечал за Владимиром таких рокировок! Еще вчера мы планировали в отделе работу на всю неделю и действия каждого были расписаны, как у Чехова в «Дяде Ване». Вечером я приношу ему «шкурку» от «человека», он меняется в лице и произносит: «Утро вечера мудренее». А утром заявляет, что начальник таможни отправляет его в отпуск. Очень мило. Не сказав ни слова, он все сказал. Расхлебывай, Игорек, эту кашу сам!

Я щелкнул замком сейфа и еще раз углубился в написанное на листке ученической тетради.

«Сообщаю, что сегодня, 11 июня 2012 г., в 22.00 у меня состоялась встреча с Димой Лешим. В ходе доверительной беседы он пояснил, что 15 июня в наш город проследует автомашина – еврофура «Мерседес» с номерами нашего региона. Цифры – 891. Машина проследует через пост полиции на въезде в город в период с 19.00. В стенке за кабиной в тайнике находится 28 кг героина. Как рассказал Дима Леший, героин поступил из Афганистана транзитом через Таджикистан. Героин предназначен для реализации мелкими партиями в нашей области. Общая стоимость перевозимого наркотика составляет около \$2 500 000. Дима Леший предложил мне за сумму в 100 000 рублей участвовать в охране мероприятия при передаче груза.

Чибис».

У опера такой шанс – стать самым красивым парнем в городе, хотя бы на пару дней, – бывает раз в жизни. Тем более что формально руководителем считался бы Владимир. Я – исполнитель. Нетрудно догадаться, кто станет главным, если мы «сломаем» мероприятие, в котором Чибису предложили поучаствовать за десять штук! Все будут сыты и довольны. Володе, как в сезон звездопада, скатилась бы вторая большая звезда на погоны, я бы получил премию, а Чибис – честно заработанные рубли. Ему, конечно, лучше сразу взять «герасимом», но такого демократизма при расплате с агентами никто не допустит.

Остается два дня. Если сейчас информацию запустить официально, то мне с нашим СОБРОм на КПП при въезде в город будет нечего делать. Меня туда никто и не допустит. Скажут, как в хреновом боевике: теперь это юрисдикция ФСБ, а ты со своими спецназовцами поезжай на вокзал и хапай китайцев с непродекларированными носками.

Я чувствовал, как внутри меня что-то начинает закипать, как смола в котле. В город завозят через три границы пуд «ширева», а начальник таможни отправляет моего шефа в Сочи! Вова, что, случайно забыл про мою информацию? Сомневаюсь. Он только вчера смеясь вспомнил, как я четыре года назад пришел на работу в свитере наизнанку. Я не помню, а он помнит! А про пуд «герасима» забыл?

Я швырнул папку со «шкой» в сейф и сорвал с телефона трубку.

Секретарь в приемной начальника соизволила снять трубку только после четвертого гудка. Милая кукла. Знает две фразы – «Анатолий Маркелович в управлении» и «Анатолий Маркелович занят». Еще умеет заваривать кофе, резать бутерброды и мастерить на лице монументальную мину. В отделе кадров однажды довелось увидеть ее заявление. «Прошу выпустить в текущий отпуск за прошлый год». Надо это записать и показать Копаеву, а не то забуду.

– Приемная начальника таможни.

Ну не дура ли, если учесть тот факт, что звоню по внутреннему телефону? Натурально, IQ – «L»...

– Вероника Витальевна, это Эберс. Начальник у себя?

- Он в командировке. Утром уехал, будет только завтра.
- «Вот это да! Как это я упустил?!» – подумал я.
- А кто за него?
- Его первый заместитель. Турчин.
- Соедините с ним.
- Он занят.

Нужно что-нибудь придумать, иначе еще Турчин куда-нибудь уедет, и я потеряю время для встречи с ним. Это грозит нереализацией оперативной информации, и Чибис в «ломке» проклянет меня и тот час, когда со мной связался. А через пару суток в городской морг станут оптом поступать трупы с диагнозом «передозировка».

– Срочно передайте ему... Хотя подождите! Вероника Витальевна, а во сколько начальник уехал?

- В девять.
- А мой шеф у него был утром?
- Да, заглядывал. Он что у вас, в отпуск уходит?
- А вы откуда знаете?
- Мне положено все знать. Самойлов просил начальника отпустить его в отпуск, дескать, пока в работе тишина – отдохнет. Валентин Матвеевич спросил, кто останется за него в отделе, и подписал заявление.

– Я не понял: Самойлов просил отпустить его в отпуск или начальник заставил его уйти в отпуск? – Я спросил скорее автоматически, чем осознанно, так как все было ясно без пояснений.

Это «все» вполне грамотно увязывалось в последовательность действий моего начальника отдела Владимира Самойлова: я «сливаю» ему серьезнейшую информацию – он пишет заявление на отпуск и отчаливает – я остаюсь один на один со своей информацией в роли исполняющего обязанности начальника отдела. Теперь понятна логика действий Самойлова. Если информация пойдет «в цвет» и опера региональной таможни «сломают» на передаче порошка организованную группу и изымут партию крупнейшей контрабанды, то наверху обязательно спросят: «Кто это разрабатывал детали операции и реализовывал информацию?» Наверх доложат: «Отдел по борьбе с особо опасными видами контрабанды!» При таком развитии событий вряд ли кто поинтересуется: «Какого хрена отдел по борьбе с контрабандой наркотиков сопли жует?» Напротив, все будут стоя аплодировать и спросят о другом: «А кто руководит этим вездесущим отделом по БООВК?» «Майор таможенной службы Самойлов!» – будет доложено.

А вот если капитан Эберс со своей «шкуркой» и еврофурой уши от селедки получит, а не двадцать восемь кэгэ отравы, то ему и флаг в руки. Пусть на «заслушивании» рапортует, что подвигло его «хлопнуть» на КПП восемнадцатиметровый фургон с капустой и шмонать его в течение дня. Пусть Эберс расскажет, как он измерял рулеткой стенки кузова снаружи и изнутри, пытаясь выяснить, куда испарились недостающие сантиметры. Пусть поведает, как над ним смеялась служебно-разыскная собака, взятая напрокат в питомнике УВД за двадцать банок конфискованной китайской тушенки.

Браво, Владимир. Если я когда-нибудь окажусь на твоём месте, то постараюсь сделать все, чтобы ни у одного из моих подчиненных не возникло желания назвать меня сукой.

Опять вспотели ладони. Это происходит со мной всегда, когда волнуюсь или просто нервничаю из-за безделицы. Антон Копаев говорит, что у меня большое сердце. Но сердце у меня не болит. Меня просто мутит от всего этого...

Передо мной сидели двое оперов из моего отдела и что-то рисовали на бумаге. Наверное, рапорта. Подсказать им, что писать нужно на мое имя, или пусть переписывают набело?

Я посмотрел на часы. Через полчаса должна подойти Амалия, которая еще вечером отпросилась у Самойлова до обеда. Сказала тому, что простыла и посетит врача. Врача она точно посетит, но не терапевта. Уж я-то знаю...

Пора идти к Турчину. Не знаю, как там в строительной компании у Антона, а у нас sani нужно начинать готовить не летом, а весной...

Глава 6

За одиннадцать дней до описываемых событий

Разговор с Бабиновым Марка Михайловича не устроил. Вместо заверений в том, что груз пройдет таможеню, он услышал лишь мычание и лепет. Дескать, не волнуйтесь, все под контролем. Марк Михайлович был уверен в том, что, когда кто-то произносит фразу «все под контролем», это означает, что контроль как раз полностью отсутствует. Эти шкуры в погонах считают себя самыми хитроумными в подборе выражений! Идея стара как мир – не ударив палуц о палец, получить куш и отвалить в сторону. Получить дешевые сиюминутные блага в виде новой тачки и еще чего-нибудь, не менее стоящее, и, как крыса, сидеть в норе в ожидании очередного «выстрела». Эту суть отдельных представителей «при законе» Пырьев понял еще во время своей первой ходки, когда за сотню рублей просил вертухая соединить его в другой камере с подельником. Пырьев патологически не переваривал предателей, будь они на своей стороне или чужой.

Он просто ненавидел «крыс», готовых за бабки изменить даже смыслу своей жизни.

Марк Михайлович с омерзением представил себе капитана Бабинова из таможни, участвующего в задержании контрабанды и готового за три штуки долларов продать идею, самого себя и сослуживцев. Менее чем через две недели в руки Марка поступит колоссальный по нынешним меркам «груз». Почти полтора миллиона доз героина. Ну, и жизнью, конечно... Молодежь нынче такая безграничная и бесконтрольная. Впрочем, собакам собачья смерть. Вот он, Пырьев, к наркоте даже на зоне не прикоснулся. А все почему? Да потому что идее верен остался. И корешей за бумагу не продавал. Может, поэтому сейчас и жив. Может, именно поэтому он имеет особняк на окраине города, охрану и бассейн размером с футбольное поле.

Может, пристукнуть Бабинова после дела? Башку продырявить и пустить в дальнейшее плавание. И пусть потом его начальство думает, что его смерть связана с профессиональной деятельностью. У них сейчас это в моде – работал парень, работал, а потом его с отверстием во лбу нашли. Концов – никаких, поэтому из всех версий рождается самая бесперспективная, марксистско-ленинская, рассчитанная на поколение павликов морозовых версия – убийство связано с профессиональной деятельностью.

Марк Михайлович поморщился как от зубной боли и встал из кресла. Никому верить нельзя! А особенно предателям своих врагов. Бабинов, шкура, ездит на джипе. На его, Пырьева, джипе! А на чем? На своем, что ли? Если его таможенную зарплату в кучу складывать и питаться одним святым духом, то капитану Бабинову удастся накопить сумму, эквивалентную стоимости этого зачуханного «сурфа», ровно через десять лет. Борец с наркобизнесом, мать его... Он собственный конец в штанах с первой попытки не находит, а его начальником отдела ставят!

Да черт с ним, с Бабиновым! Что это Марк Михайлович о нем думает?! Тому все равно – либо за «решку», либо в канаву. Перспектив никаких. Но бабиновых в этом деле начальником ставить – самому голову под гильотину класть! Пусть сделает свое дело, а там видно будет...

Пырьев, накинув на плечи пиджак, вышел из дома. Не обращая внимания на телохранителей, он взгромоздился на заднее сиденье «пятисотого» и коротко бросил водителю:

– В «Дубраву».

Перекусить, а заодно и встретиться с этим Бабиновым. Парню нужно подробно объяснить, какие санкции могут последовать, если дело будет срывать, а он при этом сопли жевать.

Заодно неплохо было бы подстраховаться. Николай Владиславович что-то говорил про то, что у него пасынок в ментуре работал. Значит, связи остались... Может, и пасынка на джип посадить? Хотя и тут ухо остро держать нужно.

Если партию «геры» менты «слотошат», то Марку Михайловичу лучше самому с себя шкуру спустить и прыгнуть в клетку ко льву. Все равно с ним это произойдет, если уважаемые люди узнают, на какие цели использован воровской общак, да еще и без их ведома. За «спаленный» мусорам общак братва разматывает «держателю» кишки через задний проход. И не просто «спаленный», а пущенный в дело без решения «сходняка». А уж за то, что Марк сдал общак при попытке «срубить» филок лично для себя...

Но ведь он же не «крыса», он просто займы берет. У своих пацанов...

Кха!.. Пырь потрянул головой, избавляясь от ужасных мыслей.

– Долго еще?! – заорал он на водителя. – Чего еле тащишься!

– Приехали уже, Марк Михайлович... – обиженно проскулил двухметровый дядя.

Входя в зеркальные двери ресторана, Пырь почувствовал, что аппетит пропал. Говорил же сам себе – не думай о делах перед едой!..

Глава 7

Копаев разочаровал Амалию и приехавшего с ней оперативника таможни Суровцева. Не выходя из машины, он опустил стекло и бросил:

– Ребята, я сейчас по одному адресу прокачусь. Кстати, Андрей, твоя информация оказалась интересной. Только нужно найти того, кто мог видеть убийцу Игоря. За ним-то я и еду.

– Так мы поедem с тобой! – обрадовалась Амелия.

«Их только в атлетическом зале не хватало».

– Нет, у вас будет важное задание. Мне нужны фото всех начальников Игоря. И тех из таможни, с кем в последнее время он общался наиболее тесно.

– Послушай, Антон, – вмешался Суровцев. – Не в обиду будет сказано... ты сколько уже в полиции не работаешь?

– Года четыре, а что?

– Понимаешь, за это время утрачиваются профессиональные навыки, теряется чутье... С тобой должен находиться кто-то с удостоверением и практикой работы.

– Там не нужно удостоверение. Все в порядке. Когда потребуется помощь, я скажу. А пока держимся на связи. Встреча через два часа на этом же месте!

Не давая возможности им ответить, Копаев включил передачу и резко взял с места.

Дорога к Выставочной проходила мимо авторынка. Не о колесах Антон сейчас думал, а о Слоне, который тоже мог знать немало. Убийство в районе всегда громкое событие. А Слон мог что-то слышать об этом.

Нужно было спешить. Если Слон сегодня решил отдохнуть и не вышел торговать запчастями, дело плохо. Слон – Заслонкин Бронислав. После двух «ходовок» за угоны автотранспорта Броня решил, что почетное звание опасного рецидивиста не обещает в дальнейшем никаких перспектив, и занялся менее рискованным бизнесом – торговлей запчастями на городском автомобильном рынке. Копаев знал, что большая часть железа, предлагаемых Слоном вечно нуждающимся автолюбителям, не что иное, как сданный на реализацию товар. Кем сданный – тоже понятно. Пока существуют средства передвижения, всегда будут существовать группы людей, желающие ими завладеть, разобрать и продать разобранный автомобиль тем, у кого не вовремя «полетела» шаровая, треснул фонарь или сломалось рулевое колесо. Автолюбители – та категория покупателей, которой совершенно безразлично, ворованными запчастями торгует Слон или нет. Им нужна шаровая, а не идея.

Первым, кого Антон увидел на рынке, был подвыпивший, раскрасневшийся на морозе Паша Устинцев. Опершись на капот чьего-то «Volvo», он махал кому-то рукой. В натовском камуфляже, что неудивительно. Он начальник службы безопасности авторынка. Два года назад его выперли из райотдела, где он занимал должность старшего участкового инспектора, за «грубое нарушение дисциплины». Паша имел обыкновение «крышевать» мелкие коммерческие магазины, за что взимал плату. Иногда деньгами, иногда – натуральным продуктом. Он занимался этим настолько откровенно и искусно, что мало кому приходило в голову, что в райотделе работает банальный вымогатель. Его преступную деятельность самым неожиданным образом прервало антимафиозное ведомство, более известное обывателям как РУБОП. Паша решил поставить «крышу» вновь открывшемуся магазину, и с этой идеей явился к хозяину. Он полагал, что раз ларек находится на обслуживаемой им территории, то и право собирать дань тоже принадлежит ему. Просто Паша плохо разбирался в подведомственности территорий. Региональное Управление по борьбе с оргпреступностью на то и «региональное», что работает на территории всего региона. А регион по-любому больше, чем территория Паши Устинцева. Поэтому, когда доблестный участковый прибыл к хозяину и предложил услуги по «охране и обороне» киоска от противоправных посягательств «бандитов, СЭС, полиции и пожарных»,

тот спокойно предложил ему встретиться с теми, кто успел вперед него. На «стреле» Паше чуть не проломили эту самую «крышу», после чего увезли на растерзание подполковнику Быкову, начальнику Управления собственной безопасности ГУВД. Сдав руководителю Копая еще нескольких таких же, как он, «защитников коммерции», Паша получил предложение, от которого не смог отказаться. Согласился со скорым увольнением. А если бы не согласился – пришлось бы сидеть несчастному Устинцеву от двух до семи. А чтобы он уже никогда не смог вернуться обратно, ему все-таки «закосячили» в трудовую соответствующую статью. Но, как следует из бессмертного закона Ломоносова, ничто не исчезает бесследно, и если где-то убыло, то где-то обязательно за счет этого прибудет. И если мента выперли за преступления из органов, он обязательно проявит себя точно так же в другом месте. Лучшего места, чем криминальный авторынок, Паша Устинцев найти не смог. Очевидно, хозяева подобрали его на дороге, как собаку, накормили, вычесали и посадили на цепь. Охраняй! А чтобы не сорвался с цепи и не скулил, предложили зарплату в два раза больше, чем в органах. И вот Паша, нетрезвый, но строгий, следит за порядком на рынке. Каждому – свое.

Когда Броня увидел перед собой Копая, его глаза засветились недоброжелательным огнем, а губы растянулись в ласковой улыбке. Этаким оскал многоликого Януса. Недоброжелательность сама по себе была вполне обоснованна. Слон отмотал три последних года в колонии общего режима благодаря именно Антону. А признаки любви он выказывал по той простой причине, что Копая, хотя бы и уволившемуся из ГУВД, ничего не стоило это повторить. Любая железка на столе Заслонкина могла оказаться краденой. Оба это знали, но Антону было выгоднее держать ситуацию на авторынке под контролем, чем видеть Слона за решеткой.

– Привет работникам автомобильного бизнеса. – Копая провел рукой по «товару». – Почем свечи?

– Свечи нужны? – живенько поинтересовался Броня.

– Я что, похож на скупщика краденого?

– Они не ворованные, начальник! – возмутился Слон.

– Ага. Я забыл. Тебе идут прямые поставки из Тольятти...

– Отвечаю – не ворованные.

– Колеса нужны.

– Сколько? – сразу последовал вопрос.

– Четыре.

– Рановато для переобувки на зиму? – Слон с едва заметной улыбкой посмотрел на опера.

– А я никуда не тороплюсь. Летние мне нужны, летние.

Копая знал, что колес у Слона в «ассортименте» нет и тот возьмет их у кого-нибудь под честное слово.

– «Гиславед» пойдут?

– Пойдут, – ответил Антон.

Слон выкатил из металлического контейнера, служившего складом, одно за другим четыре почти новеньких колеса. Копая достаточно было мгновения, чтобы узнать свою «резину». Над Слоном нависла угроза.

– И сколько я тебе должен? – ядовито осведомился Антон и, не давая Броне открыть рот, поставил точку в торгах. – Ладно, Заслонкин, мне сейчас некогда. Я к тебе через пару дней подъеду, когда с делами разгрёбусь.

– По госцене отдам.

– А ты знаешь, на чьей машине стояли эти колеса до того, как к тебе попасть?

Слон почувствовал упадок сил. Глядя, как бывший опер грузит колеса в багажник такси, он решил сегодня же выяснить у двоих знакомых граждан, не у дома ли восемьдесят два по улице Завадского они свинтили колеса этой ночью.

– Еще один вопрос, Бронислав. Ты что-нибудь слышал об убийстве этой ночью?

- А кого именно убили?
- А что, в эту ночь много кого убили?
- Я просто так спросил. Конечно, не знаю.
- А фамилия Эберс тебе о чем-нибудь говорит?

– Говорит, – без раздумий ответил Слон, и Антон понял, что Заслонкин о случившемся ничего не знает. – Он замначальника отдела в таможене.

Все, кому «товар» приходит из-за рубежа, Эберса знают. Это Слон на рынке так, чтобы не думали, что бизнес хорошо налажен. На самом деле Антону было известно: за Слоном случаются и крупные операции по доставкам из-за рубежа контрафакта. Преимущественно отнятого у кого-то. Не брезгает он и мелочевкой – как, к примеру, колеса продать. Но дело не в жадности. Люди, которые живут такой жизнью, неуязвимы. Случись что – Слон на рынке запчастями торгует. Разве занимающийся мелкой скупкой краденого человек способен принимать контрабанду из-за рубежа?

Но Антон только что убедился – об убийстве Эберса Слон еще не знает.

На Выставочной атлетический зал был, но пускали туда не всех. Только своих либо со своими. Копаев был не свой, и никто рядом из тех, кто мог оказаться своим тем, что за дверью, не стоял. Он постучал в дверь с закрывающимся металлическим оконцем еще раз.

– Мужик, – в просвете появилось лицо, явно не вписывающееся в габариты оконца, – я же тебе сказал...

Думая о том, что будет с рукой, если он промажет, Антон врезал кулаком в просвет. Там раздался хрюк, потом шум и секунду спустя – стук вниз двери. Недолго думая, Копаев сунул руку в оконце, опустил до самой подмышки и стал нащупывать засов.

Дверь подалась вперед, и оперу УСБ стоило больших усилий отодвинуть с прохода тело нокаутированного им толстяка. В теле было около ста килограммов живого веса, плюс кожаные одеяния, плюс десантные ботинки, плюс пара цепей на поясе. Явно не от часов. Как Антон и ожидал, перед ним открылась лестница вниз.

Появились стены со свастикой, граффити с монстрами и уродливыми упыриными рожами, потолок, обитый оргалитом, на котором у самой двери готическим шрифтом на немецком языке было написано: «Работа делает свободным». Словом, дизайн не изуродованных изысканным вкусом дегенератов, предпочитающих лицезреть азиатов в газовых камерах, а негров на веревках.

Толкнув дверь, Копаев оказался почти в эпицентре событий. Зал, действительно, был, но ничего, что могло бы подчеркнуть его принадлежность к спорту, следователь в минуту первого осмотра так и не обнаружил. Лишь измочаленный боксерский мешок в углу, на котором написано «jude». Выходит, и евреев здесь тоже не почитают. Зато уважают славян. Во всю двухметровую стену красовался плакат, на котором располагался мужик с крепкой нижней челюстью. Мужик был одет в коричневую робу, держал в руке газету «Правда» и смотрел вдаль. Приглядевшись, Антон заметил, что образ героя ему до боли знаком. На Копаева не обращали внимания, поэтому некоторое время расставить все точки над «i» в отношении своих подозрений у него было. И он вспомнил. Этот плакат с надписью «Храните деньги в облигациях государственного займа» лет десять висел над булочной на Вековой. Пять лет назад он со здания исчез, и Антон с удовлетворением отметил про себя тот факт, что давать займы государству никто больше не будет. Оказалось, что даже написанный в таком стиле плакат способен на многое. Например, служить в подвале дома на Выставочной призывом к очищению города от «нечистых» рас. Облигацию в руке устремленного вдаль (по всей видимости, высматривающего в глубине веков дату возврата займа) мужика при помощи гуаши заменили на газету «Правда», красный комбинезон закрасили коричневой охрой и к белой рубашке дорисовали галстук, лозунг про заем переделали в призыв к чистке.

– Тебе кого?

Антон обернулся. Перед ним, глубоко засунув руки в карманы, стоял какой-то крендель лет тридцати на вид и с совершенно лысой головой. На нем была кожаная рубашка и кожаные брюки. Ниже Копаев смотреть не стал, там и без этого угадывались армейские ботинки с высоким берцем.

– Перец. Он здесь?

– Он-то здесь, а ты-то кто?

– Грубо, – оценил Антон. – Но сойдет, если услышу ответ на свой вопрос.

Вместо ответа лысый свистнул, и музыка в углу прекратилась. Казалось, все давно наблюдали за гостем и просто ждали сигнала. К месту стояния Копаева и лысого приблизились еще трое. Две девицы у магнитофона с жутким макияжем остались недвижимы – если мужчины разговаривают, дамы не вмешиваются. Ситуация осложнилась, когда по знакомой Копаеву лестнице спустился пятый.

– Мужики, а что это Кот в дверях со сломанным шнобелем лежит?

Никаких сомнений, что «шнобель» Коту сломал этот незванный гость, у присутствующих не было. От него пахло одеколоном и веяло спокойствием, словом, всем тем, что на дух не переносится в этом подвале. Услышав в глубине строя, стоящего перед ним, щелчок, Антон прикинул, каковы у него шансы на спокойный разговор.

Их не было. По растерзанному боксерскому мешку было понятно, что здесь чтут иные отношения. Лучше всего в этом зале будет выглядеть откровенный наезд, потому что результатом любого разговора станет склока. Полицейское удостоверение не сыграет: ребята порядком обкурены для того, чтобы выпустить его отсюда здоровым. Да и не было у него с собой корочек. Антон работал под прикрытием. Кто из полицейских в этой роли берет с собой служебные удостоверения? А задача у Копаева не просто уйти – для этого можно было вообще сюда не спускаться. Уйти нужно обязательно с Перцем.

– А это не тот урод, который нас в ментовку увел, когда мы двоих пидоров на Фасадной на сапоги надевали?! – Прозрение было столь неожиданно, что даже те, коих в тот день на Фасадной не было, вспомнили сразу.

Вспомнил и Антон. Было дело. Лет пять назад. Приводил он в райотдел двоих наци с ботинками в крови. Только вот лиц не помнил. Зато его лицо запомнили, как теперь выяснилось, хорошо.

– Вот эта говорящая задница, – Антон указал пальцем на первого лысого, – уверяет, что в этом учуханном подвале находится Перец. Я его заберу и уйду. Вы можете дальше слушать «Раммштайн».

Приказной тон в таких «учуханных подвалах» не любят. На нож, предвестником которого был щелчок, он среагировал сразу. С шагом назад поймал руку и резко сложил запястье напавшего по сгибу. Ладонь с омерзительным хрустом коснулась предплечья молодчика, и тот, выронив нож, заорал хорошо поставленным фальцетом.

Не дожидаясь, пока все поймут, как так могло случиться, Копаев ударом ноги поднял в воздух стоящего перед ним крепыша и тут же сунул рукой тому, что стоял слева. После встречи с зубами противника и уже случившимся ударом по Коту рука Антона заныла, но это было ничто по сравнению с тем, что испытал стриженный «чистильщик».

Сломанная рука, выбитые зубы и последующая за ними чудовищная боль увели двоих из стана противника в глубь зала. К дальнейшему сопротивлению, во всяком случае, к достойному, они были уже не способны. Тот же, кого нога следователя оторвала от бетона, чувствовал, что умирает. Разбитый пах молил о пощаде, нечеловеческая ломота, которую даже нельзя назвать болью, заставила молодчика окаменеть на полу и лишь шевелить белыми губами.

– Извините, что не убил. Так я не понял: где Перец?

Огнестрельного оружия в зале не было: Антон понял это сразу после реакции вражеской силы на утрату жизнеспособности своей большей части. Двое нетронутых Копяевым, среди которых оказался и тот, с хорошей памятью, отскочили в сторону и забряцали металлом – у одного в руках была велосипедная цепь, у второго – от бензопилы. Антон расслабился...

Поймав на противоходе того, что бензопилы любил больше, чем велосипеды, он пригнулся и сильно, как когда-то на мастер-классе айкидо, пробил цепеносцу в грудь.

Раздался то ли треск одежды, то ли костей, то ли странный выдох. Рухнув на спину, молодой человек тут же перекатился на живот и стал обхватывать руками свою грудную клетку. Поняв, что на груди еще больнее, чем на спине, сел. Когда же до него дошло, что теперь ему не обрести покоя, пока на него не наденут корсет, он зашипел, как змея, и стал делать чернобровым девицам какие-то знаки. «Просит «Скорую», – догадался Антон, угадывая в движениях пальцев молодчика цифры «0» и «3». Да, он знал: это больно.

Оставался последний. Вырубив и его, оперативник УСБ ГУВД Екатеринбурга вытащил последнего бойца сопротивления из угла подвала на свет, туда, где в тягостном ожидании застыли две девицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.